

УДК 821.511.131

DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-1-7-16

**Женские стратегии письма в удмуртской литературе:
поэзия Анастасии Шумиловой**

А. А. Арзамазов

*Институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра
Уральского отделения Российской академии наук,
г. Ижевск, Российская Федерация,
arzami@rambler.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья представляет собой первое в отечественном литературоведении исследование поэтической системы Анастасии Шумиловой – яркого представителя современной удмуртской (финно-угорской) поэзии – с точки зрения выявления закономерностей развития женской лирики, национальной литературы в начале XXI в.

Цель: установить и проанализировать ключевые сюжетно-мотивные комплексы и образно-символические константы, отдельные лингвопоэтические особенности творческой системы А. Шумиловой.

Материалы исследования: поэтические тексты А. Шумиловой.

Результаты и научная новизна. Результатом исследования стало концептуальное осмысление, систематизация художественных стратегий А. Шумиловой. В статье отмечается, что в истории удмуртской культуры важнейшее место занимает женская лирика, представительницы которой сумели создать уникальные поэтические тексты. Рассмотренные в статье поэтические произведения молодого удмуртского автора являют собой особое состояние языка, одновременно утрачивающего свою веками складывавшуюся естественность, строгость и обретающего новую онтологическую открытость к другим моделям коммуникации, системам образности, «чужим» метафорам. Подчеркивается, что поэзия А. Шумиловой представляет одну из перспективных моделей модернизации национальной поэзии.

Научная новизна представленного материала продиктована необходимостью научного обращения к творчеству оригинально выражающих себя молодых финно-угорских авторов, отсутствием систематизирующих работ, посвящённых творчеству А. Шумиловой, обусловлена важностью теоретико-методологического обогащения национального литературоведения.

Ключевые слова: современная удмуртская поэзия, современная удмуртская культура, образная система, поэтический язык, художественная рецепция.

Для цитирования: Арзамазов А. А. Женские стратегии письма в удмуртской литературе: поэзия Анастасии Шумиловой // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 7–16.

**Women's writing strategies in Udmurt literature:
poetry of Anastasia Shumilova**

A. A. Arzamazov

*Institute of History, Language and Literature
of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russian Federation,
arzami@rambler.ru*

ABSTRACT

Introduction: in domestic literary criticism the article is the first study of poetic system of Anastasia Shumilova, the bright representative of modern Udmurt (Finno-Ugric) poetry. Patterns of development of women's lyrics, national literature in the beginning of the XXI century are identified.

Objective: to establish and analyze key plot complexes and figurative and symbolic constants, to consider the linguo-poetic aspect of A. Shumilova's creative system.

Research materials: the poetic texts of A. Shumilova. The results of the scientific research in the field of Udmurt literature, the theory of gender were taken into account.

Results and novelty of the research: the results of the study are conceptual comprehension and systematization of artistic strategies of A. Shumilova. The article notes that an important place in the history of Udmurt culture is occupied by women's lyrics, which representatives have created unique poetic artifacts. The considered poetic works of the young Udmurt author are special state of the language, losing at the same time its naturalness, severity, and finding new ontological openness to other communication models, imagery systems, «alien» metaphors. It is emphasized that the poetry of A. Shumilova is one of the promising models for the modernization of national poetry.

The scientific novelty of the presented material is dictated by the need for a scientific study of the creativity of the originally expressing themselves young Finno-Ugric authors and the lack of systematizing works devoted to the work of A. Shumilova, due to the importance of theoretical and methodological enrichment of national literature.

Key words: modern Udmurt poetry, modern Udmurt culture, figurative system, poetic language, artistic reception.

For citation: Arzamazov A. A. Women's writing strategies in Udmurt literature: poetry of Anastasia Shumilova // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (1): 7–16.

Введение

Развитие современной удмуртской литературы тесно связано с социокультурными процессами, характеризующими положение этноса в конце XX – начале XXI столетий. О жизни удмуртов на рубеже веков уже написано немало работ (в основном, этнологического, этносоциологического, этнопсихологического плана) [4; 10; 12; 14; 17; 18], показывающих насколько сложные, противоречивые изменения происходят в реальности отдельного финно-угорского народа. Пожалуй, главная этническая драма, непосредственно сказывающаяся на современной удмуртской литературе, – это возможная потеря родного языка: молодые удмурты плохо говорят по-удмуртски. Важнейшим внутренним ресурсом литературной эволюции является смена писательских поколений. В середине 1990-х – 2010-х гг. в удмуртской словесности появились новые имена. Группа молодых писателей неожиданно смело заявила о своих творческих интересах. На наш взгляд, именно удмуртская поэзия конца XX – начала XXI веков отражает сложную духовную и интеллектуальную работу писателя, приоткрывает трагичность его самоощущения, лирического самораскрытия. Неудивительно, что современная удмуртская литература попадает в орбиту исследований филологов Удмуртии [1; 2; 6; 7; 8; 19].

Неоднократно подчёркивалось, что поэзия удмуртов в начале XXI столетия в значительной степени имеет женское лицо. Этот гендерный

феномен до сих пор не получил своего научно-философского объяснения. И в целом – возможно ли оно? Можно лишь с осторожностью сказать, что женщина-этнофор более бережно относится к родному языку, своей культуре, меньше подвержена кардинальному идейному, социальному воздействию со стороны, трансформирующему сумму слагаемых этнической идентичности. И вместе с тем женщина-поэт особенно остро реагирует на объективные опасности ассимиляции, быть может, бессознательно обращается к художественному слову как инструменту сохранения, обогащения материнского языка, литературной традиции своего народа.

К слову, работы, посвящённые удмуртской женской поэзии [9; 11; 15], в целом не дают развёрнутого ответа на основной вопрос – в чём глубинно-самобытная особенность женского художественного мировоззрения, стиля, языка, образного словаря. В каком виде и как проявляется анонсируемая концептуальность женской лирики, почему случился её «ренессанс» в конце XX – начала XXI веков? Какие психологические, образно-символические, лингвопоэтические проекции получает стихотворное раскрытие «женских» тем? На сегодняшний день гендерная концепция в удмуртском литературоведении находится на этапе интенсивного становления. Очевидно, что для внутреннего теоретического развития необходимо значительное усиление идейной составляющей, усложнение ставящихся перед литературоведами научных задач и,

как следствие, – появление монографических исследований, расширение интерпретируемых художественных источников. Вместе с тем женские поэтические стратегии удмуртской литературы могли бы быть рассмотрены с точки зрения отдельных продуктивных гуманитарных концепций, предложенных отечественными [3; 5; 13; 16] и зарубежными [22; 23; 24; 25; 26] исследователями, накопленный аналитический опыт которых позволил бы определить сферы «своего» и «чужого» в системе национальной словесности.

Цель данного исследования – установить и проанализировать ключевые сюжетно-мотивные комплексы и образно-символические константы, отдельные лингвопоэтические особенности творческой системы А. Шумиловой – яркой представительницы женской стратегии письма.

Теоретическая и практическая значимость данной работы обусловлены недостаточностью литературоведческих работ, посвящённых творчеству молодых удмуртских поэтов, художественные стратегии которых дают развёрнутое представление о том, по какому сценарию развивается национальная словесность. Кроме прочего, удмуртское литературоведение остро нуждается в расширении теоретико-методологических ресурсов, актуализации новых исследовательских тем, проблем, введении в оборот новых текстов, писателей.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили поэтические тексты Анастасии Шумиловой из сборника «Ку» (Кожа), а также не вошедшие, «отвергнутые» поэтом стихотворения, сохранившиеся в авторской рукописи.

В работе используются структурно-семантический метод, лингвопоэтический анализ.

Результаты

Так сложилось, что среди молодых удмуртских авторов, заявивших о себе в последние несколько лет (2010–2018), преобладают поэты-девушки. Литературный опыт для большинства из них – временный способ самопознания и самопроявления, в некотором роде – удобная психотерапевтическая практика, позволяющая сбросить груз излишней экспрессивности и

чувствительности. И в действительности совсем мало тех, кто сумел за непродолжительный период перейти этот рубеж, определиться с контурами стиля, почерка, приблизиться к неким профессиональным стандартам литературного высказывания. Одно из ярких поэтических открытий в удмуртской литературе начала XXI столетия – стихотворения Анастасии Шумиловой.

В статье приводятся наши (А. А. Арзамова) переводы фрагментов стихотворений А. Шумиловой на русский язык.

Её творчество контекстуально мало соотносимо с удмуртской женской лирикой – этот пласт национальной культуры представляется автору стихов достаточно маргинальным в силу излишней эмоциональности и безоговорочной ориентированности на мужское «Ты». В удмуртской поэзии женская идентичность обретает личностную и художественную полноту звучания именно на фоне сюжетно-ситуативного присутствия мужского субъекта, становящегося основным адресатом стихотворных посылов. В стихах А. Шумиловой почти нет обязательного для лирического повествования лично-интимного контекста, нет глубокой внутренней потребности в «принадлежности» мужчине. Речь может идти о совершенно других поэтических темах, референциях, свойственных новому поколению авторов – здесь срабатывает механизм подробного самоописания, не осложнённого драматическими поворотами любовных отношений. Героине в целом не нужны посторонние – хватает себя. Вместо реального жизненного опыта тексты «насыщаются» прочитанным, подсмотренным, услышанным, ощущаемым интуитивно – и в этом естественном обстоятельстве есть свои плюсы и минусы, точки для художественного развития.

Анастасия Шумилова, в отличие от большинства представительниц удмуртской женской поэзии, довольно редко активизирует в своих стихах образно-символические ресурсы, восходящие к изобразительности фольклора. Однако в отдельных текстах фольклорное влияние – особенно структурно-композиционное – эксплицировано.

Стихотворения А. Шумиловой при всей самоуглублённости, декларируемой самодостаточности, дистанцированности автора многосторонне перекликаются с удмуртским поэтическим

этнофутуризм, поэзией 1990-х, 2000-х годов. Изредка поэт в своих неочевидных цитациях движется ещё дальше – в 1970-е, 1980-е, затрагивая и привнося в собственное текстуральное измерение некоторые наработки, конструктивные приёмы позднего Ф. Васильева, В. Владыкина. Отдельного рассмотрения требуют интертекстуальные отсылки к произведениям и контекстам С. Матвеева, П. Захарова, В. Шибанова, Л. Ореховой. А. Шумилова как поэт и исследователь современной удмуртской словесности хорошо ощущает знаковость перечисленных имён, важность их поэтических систем для выстраивания общей картины развития литературы, последующего творческого осмысления.

А. Шумилова – выпускница факультета удмуртской филологии УдГУ, несколько лет жила в Эстонии, что позволило ей взглянуть несколько со стороны, отстранённо на удмуртскую словесность, её фигурантов и проблемы. Думается, и учёба в докторантуре Тартуского университета приблизила молодого поэта к европейской культуре, мировой литературе. Этот синтез своего и чужого, их взаимное притяжение и отталкивание внутри анализируемой творческой системы значительно расширяют границы прочтения не только стихотворений конкретного автора, но и исследуемой литературной традиции в целом. Очевидно, что удмуртская литература, пребывающая последние три десятилетия в состоянии непрерывного обновления, поиске новых языков, глобально устремлена в сторону европейской культуры, эстетики, постмодернистских экспериментов. И Анастасия Шумилова – один из европейски ориентированных поэтов нового поколения, кому удалось продемонстрировать литературно-художественную оригинальность, получить достаточно широкий резонанс. Её дебютный поэтический сборник «Дыр-эктон» («Пляска времени» / «Дрожь», 2015) [20] в 2017 году был удостоен литературной премии Программы родственных народов, а стихотворение «Самодентификация» было включено в Антологию поэзии народов России (2017). В 2018 году вышла вторая книга стихов «Ку» («Кожа») [21]. Вместе с тем на сегодняшний день нет обобщающих работ, посвящённых творчеству А. Шумиловой.

В данной статье анализируются не только тексты, вошедшие в печатную версию книги

«Ку», но и рукописные, которые А. Шумилова изначально планировала включить. На наш взгляд, эти стихотворения также представляют значительный интерес для исследования и являются важными фактами современного удмуртского литературного процесса. Мы намеренно оказались в интригующей ситуации допечатного ознакомления с содержанием будущего сборника – такая возможность предварительного прочтения, развёрнутого анализа рукописи дают исследователю и поэту обоюдные преимущества: ещё вероятен диалог «на полях» прочитанного, тексты воспринимаются несколько иначе, сквозь призму их незакрытых семантических потенциалов. Цитируя не вошедшие в книгу стихотворные произведения, мы указываем, что они относятся к материалам рукописи.

Важнейшими темами стихотворений Анастасии Шумиловой являются поэзия, творческий процесс как уникальные экзистенциальные состояния, знакомые лишь избранным, в которых переплетены бытие и быт, реальное и вымышленное, правда и ложь, счастье и боль, мир природы и мир города. Именно стихотворчество выводит на совершенно новый уровень миропонимания, даёт возможность значительного духовного развития, позволяет возводить неслучившееся в ранг действительного. В анализируемой книге немало стихотворений, сюжетно передающих всю сложность, неровность, мучительную событийность частного стихописания. В тексте «Кылбурет» («Поэзия») [21, 3–4] поэтическое слово сравнивается с растением и хищным зверем, в нём одновременно заложены созидательное и разрушительное начала. Таким образом личность поэта в интерпретации А. Шумиловой аксиологически погранична, ей управляют свет высокого и мрак низменного, причём эти матрицы воспринимающего и поэтизирующего сознания находятся в постоянном противостоянии. Лирический герой удмуртского поэта чаще выбирает «сферы» затемнённого, пессимистического. Его ведёт неведомая сила, вырывая из обыденности, толкая в опасную свободу. Реальность поэзии для героя более сильная и правдивая, чем континуум подлинной жизни.

В стихотворении «Куке сюлэм путэ» («Когда сердце разрывается») [21, 16] творчество не просто «впитывает» грусть и боль лирической героини, оно позволяет вернуться к истокам

мироздания, даёт возможность достигнуть своеобразного историко-мифологического «дна». Слово связывается с природным космосом, оно воспринимается авторским «Я» как начало начал, основа бытия. Поэт демонстрирует, насколько хорошо он ориентируется в мифологических сюжетах, нюансах удмуртской традиционной культуры, перечисляет некоторые стадии сотворения мира. Заканчивается стихотворение мыслью о том, что художник слова является демиургом.

Стихотворения А. Шумиловой, в которых обыгрывается тема поэтической экзистенции, как правило, отличаются нетривиальными сюжетами, образным языком. Постулируемая психология поэзии, наверное, и не может быть поверхностной, линейной. Так, в тексте «Кылбуръёс гожьяны дасям тетрадьлэн бамъёсыз пушкы дары зын пычам» («Страницы в тетради для записи стихов пропитались запахом пороха») [21, 32] состояние поэтического напряжения получает яркое визуальное раскрытие: привлекаются явления, стихии, персонажи природы. Имеет место драматический контекст, представлены семантические переключки бумаги, тетради и бушующего моря, огня, дыма, смерти. Автор моделирует ситуацию морского апокалипсиса – идущий ко дну корабль, покидающий в ужасе своё судно капитан, осознающий масштабы катастрофы, слышащий вопли тонущих. Это открытые метафоры, сигнализирующие о фатальности творческого призвания. Возможно, в тексте закодировано авторское обращение к самому себе – искусство поэзии, литературы требует полной отдачи, ответственности, за попытки «побега» придётся заплатить. Стихотворение интересно и с точки зрения своей кинематографичности. Данная особенность характерна для многих текстов А. Шумиловой. По-видимому, речь может идти об интенсифицированном визуальном восприятии нового поколения писателей, сформировавшихся в эпоху медиа.

Процесс создания стихотворений, отражённый в отдельных произведениях А. Шумиловой, сюжетно осложнён лирическим осмыслением женской сущности, часто имеющим модальность отталкивания. О личном поэт пишет мало и без азарта. Некоторые перипетии и обыкновения личной жизни приоткрываются именно в контексте художественного метасценария писательства. В произведении «Куное

сое өтчай» («В гости его приглашала») [21, 82] приводится один из регулярных сценариев «соприкосновений» женщины и мужчины: он приходит к ней на «метафорический чай», она демонстрирует своё женское умение выслушать уязвлённого мужчину, следует рефлексия по поводу собственной минутной феминной отзывчивости. Результатом таких свиданий должно стать написанное стихотворение. Мужской субъект воспринимается в утилитарном ключе – как лёгкий источник вдохновения. В действительности всё оказывается значительно сложнее и запутаннее.

Лирическое «Я» А. Шумиловой часто беспокоит перспектива эмоционально-экзистенциальной зависимости от мужчины. Любовь, привязанность ассоциируются с примитивизированными вариантами женской судьбы, отягощённой бытом и отмеченной излишней жертвенностью, несвободой. В тексте «Уть монэ синмаськонлэсь» («Защити меня от влюблённости») чувство влюблённости оказывает воздействие на качество, содержание стихотворений, которые неизбежно становятся однотипными, излишне гендерными. В качестве характеристик, определений используются предикаты трансформаций, эпитеты тактильных и вкусовых ощущений, маркеры физиологических явлений:

*кылбуръёсы
кышномо,
кизермо,
кисько нылкышно ёръёсын:
чуръёс пыр вия аснергевир,
кыл висъёс – мускытэсь,
кыльёс – чёжы шёмо. [21, 78]*

стихи мои
становятся женскими,
становятся жидкими,
льются женским потоком:
сквозь мои строки, течёт месячная кровь,
промежутки слов – влажные,
слова – вкуса молозива.

Приведённые строки могут свидетельствовать об освоении поэтом традиции русской провокативной женской лирики (Вера Павлова), говорящей с реципиентом на символическом языке тела.

Значимым пластом поэзии А. Шумиловой представляется авторский опыт художественного обращения к творчеству и жизнетексту

Бориса Пастернака и Бориса Рыжего. Их имена выносятся в посвящения и заглавия стихотворений, ряд произведений открывается эпитафиями из Пастернака и Рыжего. Примечательно, что в обоих случаях актуализации чужого слова постулируется тема смерти. Анастасия Шумилова – поэт с сильным, получающим оригинальное лирическое звучание пессимистическим началом – наделяет смерть широким спектром символических качеств, характеристик, в первую очередь – визуальных. Развивая своё лирическое представление о смерти, небытии, поэт прибегает к духовно убедительным источникам приближения к вечности, к фактографии чужой реальности умирания. Речь вновь заходит о продуктивной для удмуртской поэзии частной практике вживания в «кадры» большой русской словесности. Так, стихотворение «Тодмо кенер но, сад сяськаяськись тодмо» («И знакомый забор, и сад цветущий знаком») является одним из редких в национальной литературе опытов экфрастической передачи траурной церемонии – в данном случае похорон Б. Пастернака. Поэтому очень досадно, что автор решил не включать это стихотворение в сборник «Ку»:

*тодмо кенер но, сад сяськаяськись тодмо,
эшишо ымныр огез тодмо – кӧдэктэмез.
сьӧд но тӧдды дӱсьёс, сьӧд но тӧдды кино,
сьӧд пу, тӧдды миндэр, сьӧд но тӧдды кымес
но, вормымтэ кынар – урдэм ангес.*

*кин сяськае вые, сое небыт музъем
басьтэ но шобыртэ. мыным куддыр потэ:
кин пыраклы герза ассэ сюен,
со кыдӱкысь дор пальёсаз бертэ.*

[из рукописи А. Шумиловой]
и знакомый забор, и сад цветущий знаком
ещё лицо одно знакомо – то, что бледное.
чёрно-белые одежды, чёрно-белое кино,
чёрное дерево, белая подушка, чёрно-белый лоб,
и, непобеждённая сила – выпирающий подбородок.

кто в цветах утопает, того мягкая земля
забирает и укрывает. мне иногда кажется:
кто навсегда связывает себя с землёй,
тот в далёкий свой дом возвращается.

Для А. Шумиловой смерть обретает ещё большую поэтическую притягательность в контексте бессмертия творчества умершего. В тексте подчёркиваются телесные очертания,

признаки смерти: бытие и небытие часто осознаются сквозь призму языка, реакций человеческого тела. Сравнение смерти с возвращением домой из долгих странствий – одна из мифологически мотивированных точек художественного усиления произведения.

Анастасия Шумилова, как и любой другой художественно рефлексирующий поэт, отдаёт предпочтение определённому набору образно-метафорических компонентов, резонирующих с авторскими замыслами и установками. В рассматриваемой поэтической системе к таким приоритетным выразительным пластам относится сфера телесности.

Среди наиболее часто встречаемых в стихотворениях А. Шумиловой физиологических процессов, получающих устойчивую художественную семантику, выделяются мотивы дыхания и глотания. Физиология в творчестве удмуртского поэта неразрывно связана с выражением экзистенциально-психологической проблематики. Существительное *шокан* «дыхание», глагол *шоканы* «дышать» в пределах произведения могут употребляться и с другими телесными маркерами – органами дыхания (человека, других живых существ). В стихотворении «Мыным потэ, тынад пушкад – мур океан» («Мне кажется, внутри тебя – глубокий океан») [21, 30] в качестве эмблемы любовной экспрессии лирического «Я» употребляется конструкция *шакасьёсын шокасько* «жабрами дышу». При этом мужской субъект ассоциируется с океаном, вмещающим в себя разные миры и глубины. Дыхание выступает мерилем полноты / неполноты, начала / конца существования. В частности посредством предикатов дыхания может быть обозначено угасание прежнего «Я»: «*Вуж "мон" мырдэм-мырдэм шока... – Старое "Я" еле-еле дышит...*» [21, 105]. В отдельных лирических фрагментах константы дыхания ситуативно-семантический альянс с предикатами и субстантивами глотания.

Глагол *нылыны* «глотать» в стихах А. Шумиловой нередко имеет оттенки значения присвоения, обращения в своё. Так, желание глотать слёзы романтизируемого «Ты»-лица вполне можно расценивать как проявление страсти, желания, любви, согласия: «*Эшишо огпол ке но, я, пылаты монэ, / Дуно кузьыт синвуостэ, я, вай нылыно... – Хотя бы ещё раз, давай, облей меня, / Дорогие горькие слёзы твои давай я проглочу...*» [21, 30].

В стихотворениях Анастасии Шумиловой значительное место отводится формам восприятия. Лирический субъект стремится познать мир и человека в различных гранях их многообразия, сложности, противоречивости и взаимосвязанности. Выстраиваются цепочки художественных ассоциаций, в основе которых семантические переключки отдельных психологических состояний, трагических событий и запаха, вкуса. Запах у А. Шумиловой прежде всего контекстуально связан с природным космосом, часто выступающим как фон любовных переживаний. Весеннее обновление земли, природы, внутренней жизни в лирическом произведении «Ой, кылёз ук, ой, кылёз...» («Ой, останется же, ой, останется...») [21, 9] оттеняется острым запахом прошлого – ароматом вышедшей из-под снега горькой полыни. Лето, любовь лирическим «Я» ощущаются через обоняние: «*Ожо зыллэсь кудзим чошен – пöсь-толэзьлэсь* – Мы опьянели от запаха дёрна – от июля» [из рукописи А. Шумиловой]. Запах выступает и как вестник смерти: «*Кулон – со урод зын, со карьяське нырын...* – Смерть – это ужасный запах, он гнездится в носу...» [из рукописи А. Шумиловой]. С запахом крови у стихотворного героя ассоциируется аромат калины, зрительное восприятие коррелирует с обонянием: «*Шупу улысь горд шапыкёс / Пишто шунды шорын, / Корка пушкам төльёс ваё / Лэчыт, кузьял вир зын...* – Красные капли из-под калины / Светят на солнце, / В мой дом ветра приносят / Острый, солоноватый запах крови...» [из рукописи А. Шумиловой].

Палитра вкусовых оттенков и ассоциаций в творчестве А. Шумиловой характеризуется большой яркостью выражения, представлена поэтически эффектными образно-символическими параллелями: «*Туннэ нунал толлоезлэсь мукет: Нунал туннэ сутэм сакыр шöмо... / Омыр туннэ – чырсам чия компот* – Сегодняшний день другой, чем вчерашний: / Сегодня день со вкусом жженого сахара... / Воздух сегодня – прокисший вишнёвый компот» [21, 24]. В приведённых строках в широком смысле обыгрывается тема времени, настоящее «пробуется» на вкус.

Подчас бессознательная онтологическая обращённость к смерти «Я»-субъекта находит отражение и во вкусовых ощущениях: «*Öвёл тыльыосы но бурдъёсы мынам, / Но шöдöйсько мускыт / Музьем шöмез ымам...* – Нет перьев и

крыльев у меня, / Но чувствую влажной земли / Вкус у себя во рту...» [21, 17]. Примечательно, что концепт *ым* (рот) в художественной картине мира А. Шумиловой регулярно выходит за рамки своего первичного семантического функционирования, в процессе авторской семиотизации приобретая релевантные экзистенциально-символические способности. Ротовая полость – важнейшая часть телесного универсума, своеобразные двери тела.

Отдельных комментариев требует языковая платформа стихотворений А. Шумиловой. При чтении складывается впечатление, что автор нередко конструирует своё художественное целое при помощи словаря – актуализированы диалектизмы, архаизмы, неизвестные широкому кругу читателей лексемы. Поэт следует примеру своих старших коллег П. Захарова и С. Матвеева, которые продуктивно пользовались лексическими запасами словарей, значительно расширяя границы литературного языка, поэтической традиции. Шумилова при этом хорошо чувствует меру дозволенного, обходится без радикальных лингвосемантических «колебаний». Автор придумывает новые словообразы, словоформы, иногда заменяя ими иноязычные компоненты. Однако механизм замещения лишён какой-либо идейной ангажированности, в его основе – творческая импровизация.

Обсуждение и заключение

Развёрнутый анализ поэтических текстов А. Шумиловой показал, что наиболее значимым вкладом в удмуртскую поэзию молодого автора можно считать расширение сюжетно-ситуативных контекстов национальной лирики. Поэт предлагает множество новых мотивных комбинаций, топосов и условий сюжетного действия, образно-ассоциативных параллелей. Во-первых, это новый индивидуально-авторский художественный взгляд на процесс творчества, экзистенцию поэзии, новые варианты трактовки, образного наполнения данной темы. Во-вторых, регулярно актуализируемый интертекстуальный контекст многих мотивов и образов, отсылающих к русской литературе (Б. Пастернак, Б. Рыжий, В. Павлова и др.). В третьих, перманентное акцентирование телесной символики, поэтический опыт «физиологизации» душевных переживаний, духовных поисков. В-четвёртых, игнорирование целого

ряда феминных стратегий и приёмов, характерных для удмуртской женской лирики. Вместе с тем в стихотворениях Анастасии Шумиловой получают новое художественное содержание отдельные мотивы и образы, к которым обращались удмуртские поэты-этнофутуристы в конце XX столетия. Проанализированный стихотворный корпус А. Шумиловой являет важный пример гармоничной художественной актуализации родного языка. Несмотря на отдельные клишированные конструкции и грамматико-стилистические неточности, ей удаётся выразить себя на хорошем удмуртском языке. В своих текстах она уходит от практики поэтического смешения удмуртского и русского – всё более характеризующей творческие стратегии молодых удмуртских поэтов.

В ходе анализа стихотворений А. Шумиловой удалось выделить важные индивидуально-авторские стратегии женского письма: высокая степень психологизированности лирических нарративов, уменьшение значимости мужчины в системе мироздания авторского «Я», выраженная экспрессивность поэтического повествования, обращение к образно-символическому языку тела.

Примечательно, что тексты А. Шумиловой – и художественно сильные, и проходные – аналитически воспринимаются как сложившаяся гетерогенная система с устойчивым набором поэтических приёмов, оригинальной авторской интонацией, высокой психологической концентрированностью, широкой сетью интертекстуальных отсылок. А. Шумилова не элиминирует этнонациональную проблематику – для неё важно подчеркнуть свою соотнесённость с удмуртским народом, быть конструирующим субъектом его современности. Между тем, включённость авторского «Я» в поэтически декларируемую удмуртскую действительность – отличительная черта современной поэзии Удмуртии: стихотворчество расценивается как экзистенциально релевантный этноориентированный опыт, онтологические подтексты которого не ограничиваются удовлетворённостью творческого созидания, усиленным выражением этнической идентичности – речь идёт и об обострённых артистических амбициях, писательской конкуренции внутри этноса, о незаживающих ранах непризнанности.

Список источников и литературы

1. Арзамазов А. А. Удмуртская поэзия второй половины 1970 – начала 2010-х годов: человек, природа, город. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, Ин-т комп. исслед., 2015. 336 с.
2. Арзамазов А. А. Феномен визуального в современной удмуртской поэзии (опыт анализа творчества П. М. Захарова). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, изд-во Удм. ун-та, 2010. 232 с.
3. Афанасьев А. С., Бреева Т. Н. Гендерный аспект изучения литературы. М.: Флинта, Наука, 2017. 96 с.
4. Владыкин В. Е. Конфессиональные процессы в Удмуртии в 1990-е годы // Феномен Удмуртии. М.; Ижевск: Удмуртия, 2002. Т. 3. Кн. 1. С. 90–108.
5. Воробьёва С. Ю. «Феминный» дискурс как объект и субъект литературной критики // Известия Уральского федерального университета. 2016. Т. 18. № 1 (148). С. 213–223.
6. Душенкова Т. Р. Неомифологизм в удмуртской поэзии середины 1990-х годов: Очерк поэтической интерпретации. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2013. 168 с.
7. Завьялов С. А. Сквозь мох беззвучия: поэзия восточнофинского этнофутуризма // Новое литературное обозрение. 2007. № 85. С. 339–353.
8. Зайцева Т. И. Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: национальный мир и человек. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. 376 с.
9. Зуева А. С. «Ой, гуре-кылбуре...»: удмурт нылкышно кылбурчиослэн лирикасы сярсы // Инвожо. 1992. № 1. С. 59–65.
10. Куликов К. И. Большие проблемы «малого» народа // Феномен Удмуртии. М.; Ижевск: Удмуртия, 2008. Т. 6. С. 76–85.
11. Пантелева В. Г. Удмуртская поэзия рубежа XX–XXI вв: жанрово-стилевые и образные модификации // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. № 1. С. 286–309.
12. Поздеев И. Л. Этническая социализация в доиндустриальном и современном обществе: опыт и проблемы преемственности (на примере финно-угорских народов). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 232 с.
13. Ребеко Т. А. Телесный опыт в структуре индивидуального знания. М.: Институт психологии РАН, 2015. 271 с.

14. Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М.; Ижевск: Удмуртия, 2002. 560 с.
15. Федорова Л. П. Удмурт нылкышно кылбуретлэн тулкымъёсыз. Ижевск: Удмуртия, 2007. 352 с.
16. Хараева Л. Ф., Кучукова З. А. Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы). Нальчик: Принт Центр, 2018. 192 с.
17. Хотинец В. Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун.-та, 2002. 124 с.
18. Шепталин А. А. Этническая мобилизация в зеркале республиканской прессы // Феномен Удмуртии. М.-Ижевск: Удмуртия, 2008. Т. 6. С. 502–536.
19. Шибанов В. Л. Удмуртская поэзия конца XX – начала XXI вв. // Национальные литературы республик Поволжья (1980–2010 гг.). Барнаул: Си-пресс, 2012. С. 161-176.
20. Шумилова А. Дыр-эктон: кылбуръёс, берыктэмъёс. Ижкар: Союз оригинал, 2015. 83 с.
21. Шумилова А. Ку: кылбуръёс. Ижкар: Маршак, 2018. 114 с.
22. Butler J. P. Gender trouble: feminism and the subversion of identity. New York; London: Routledge, 1990. 172 p.
23. Felski R. Beyond Feminist Aesthetics. Feminist Literature and Social Change. Massachusetts: Harvard University Press, 1989. 240 p.
24. Godard B. Theorizing Feminist Discourse/Translation // Translation, History and Culture. London.: Frances Pinter, 1990. Pp. 87–96.
25. He1dt B. Terrible Perfection. Women and Russian Literature. Bloomington: Indiana University Press, 1987. 192 p.
26. Simon S. Gender in Translation: Cultural Identity and the Politics of Transmission. London: Routledge, 1996. 208 p.

References

1. Arzamazov A. A. *Udmurtskaya poeziya vtoroy poloviny 1970 – nachala 2010-kh godov: chelovek, priroda, gorod* [Udmurt poetry of the second half of 1970s to the beginning of the 2010s: man, nature and a city]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN, Institut komp'yuternykh issledovaniy Publ., 2015. 336 p. (In Russian)
2. Arzamazov A. A. *Fenomen vizual'nogo v sovremennoy udmurtskoy poezii (opyt analiza tvorchestva P. M. Zakharova)* [Phenomenon of the visual in modern Udmurt poetry (the experience of the analysis of creativity of P. M. Zakharov)]. Izhevsk: Izd-vo Udmurtskogo universiteta Publ., 2010. 232 p. (In Russian)
3. Afanasyev A. S., Breeva T. N. *Gendernyy aspekt izucheniya literatury* [Gender aspect of study of literature]. Moscow: Flinta Publ., Nauka Publ., 2017. 96 p. (In Russian)
4. Vladykin V. E. *Konfessional'nye protsessy v Udmurtii v 1990-e gody* [Confessional processes in Udmurtia in the 1990s]. *Fenomen Udmurtii* [Phenomenon of Udmurtia]. Moscow; Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2002. Vol. 3. Book 1. pp. 90–108. (In Russian)
5. Vorobyova S. Yu. «Feminnyy» diskurs kak object subject literaturnoy kritiki [«Feminine» discourse as the object and subject of literary criticism]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta* [Izvestia. Ural Federal University Journal], 2016, vol. 18, no. 1 (148), pp. 213–223. (In Russian)
6. Dushenkova T. R. *Neomifologizm v udmurtskoy poezii serediny 1990-kh godov: Ocherk poeticheskoy interpretatsii* [Neo-mythologism in Udmurt poetry in the mid-1990s: Essay of poetic interpretation]. Izhevsk: Institut komp'yuternykh issledovaniy Publ., 2013. 168 p. (In Russian)
7. Zavyalov S. A. *Skvoz' mokh bezzvuchiya: poeziya vostochnofinskogo etnofuturizma* [Through the moss of silence: the poetry of Eastern Finnish ethno-futurism]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2007, no. 85, pp. 339–353. (In Russian)
8. Zaytseva T. I. *Udmurtskaya proza vtoroy poloviny XX – nachala XXI veka: natsional'nyy mir i chelovek* [Udmurt prose from the second half of the XX to the beginning of the XXI centuries: national world and man]. Izhevsk: Izd-vo Udmurtskiy universitet Publ., 2009. 376 p. (In Russian)
9. Zueva A. S. «Oy, gure-kylbure...»: udmurt nylkyshno kylburchioslen lirikazy syarys' [«Oh, my song, my poem...»: about Udmurt women's lyric]. *Invozhо* [Solstice], 1992, no. 1, pp. 59–65. (In Udmurt)
10. Kulikov K. I. *Bol'shie problemy «malogo» naroda* [Big problems of «little» people]. *Fenomen Udmurtii* [Phenomenon of Udmurtia]. Moscow; Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2008. Vol. 6. pp. 76–85. (In Russian)
11. Panteleeva V. G. *Udmurtskaya poeziya rubezha XX–XXI vv: zhanrovo-stilevye i obraznye modifikatsii* [Udmurt poetry of the turn of the XX–XX centuries: transformations of genres, styles, and images]. *Studia Litterarum* [Studia Litterarum], 2019, no. 4 (1), pp. 286–309. (In Russian)

12. Pozdeev I. L. *Etnicheskaya sotsializatsiya v doindustrial'nom i sovremennom obshchestve: opyt i problemy preemstvennosti (na primere finno-ugorskikh narodov* [Ethnic socialization in pre-industrial and modern society: experience and problems of continuity (on the example of the Finno-Ugric peoples)]. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 2005. 232 p. (In Russian)
13. Rebeke T. A. *Telesnyy opyt v strukture individual'nogo znaniya* [Bodily experience in the structure of individual knowledge]. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2015. 271 p. (In Russian)
14. Smirnova S. K. *Fenomen Udmurtii. Etnopoliticheskoe razvitie v kontekste postsovetskikh transformatsiy* [Phenomenon of Udmurtia. Ethno-political development in the context of post-Soviet transformations]. Moscow; Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2002. 560 p. (In Russian)
15. Fedorova L. P. *Udmurt nylykshno kylbureten tulkym'esyz* [On the waves of Udmurt women's poetry]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2007. 352 p. (In Udmurt)
16. Kharaeva L. F., Kuchukova Z. A. *Gender i etnogender (na materiale kabardinskoy zhenskoy prozy)* [Gender and ethno-gender (on the material of Kabardian women's prose)]. Nalchik: Print Tsentrl Publ., 2018. 192 p. (In Russian)
17. Khotinets V. Yu. *Etnicheskaya identichnost' i tolerantnost'* [Ethnic identity and tolerance]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2002. 124 p. (In Russian)
18. Sheptalin A. A. *Etnicheskaya mobilizatsiya v zerkale respublikanskoy pressy* [Ethnic mobilization in the mirror of the republican press]. *Fenomen Udmurtii* [Phenomenon of Udmurtia]. Moscow; Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2008. Vol. 6. pp. 502–536. (In Russian)
19. Shibanov V. L. *Udmurtskaya poeziya kontsa XX – nachala XXI vv.* [Udmurt poetry from the end of the XX to the beginning of the XXI century]. *Natsional'nye literatury respublik Povolzh'ya (1980–2010 gg.)* [National literatures of the republics of Volga region (1980–2010)]. Barnaul: Si-press Publ., 2012. pp. 161–176. (In Russian)
20. Shumilova A. *Dyr-ekton: kylbur'es, beryktem'es* [Dance of time: Art: poems, translations]. Izhevsk: Soyuz original Publ., 2015. 83 p. (In Udmurt)
21. Shumilova A. *Ku: kylbur'es* [Skin: poems]. Izhevsk: Marshak Publ., 2018. 114 p. (In Udmurt)
22. Butler J. P. *Gender trouble: feminism and the subversion of identity*. New York-London: Routledge, 1990. 172 p. (In English)
23. Fe1ski R. *Beyond Feminist Aesthetics. Feminist Literature and Social Change*. Massachusetts: Harvard University Press, 1989. 240 p. (In English)
24. Godard B. *Theorizing Feminist Discourse/Translation. Translation, History and Culture*. London: Frances Pinter, 1990. pp. 87–96. (In English)
25. He1dt B. *Terrible Perfection. Women and Russian Literature*. Bloomington: Indiana University Press, 1987. 192 p. (In English)
26. Simon S. *Gender in Translation: Cultural Identity and the Politics of Transmission*. London: Routledge, 1996. 208 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Арзамазов Алексей Андреевич, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (426004, Российская Федерация, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4), доктор филологических наук.

ORCID.ID: 0000-0001-7577-5917

arzami@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Arzamazov Alexey Andreevich, Leading Researcher, Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (426004, Russian Federation, Udmurt Republic, Izhevsk, Lomonosov st., 4.), Doctor of Philological Sciences.

ORCID.ID: 0000-0001-7577-5917

arzami@rambler.ru